

НИКТО НЕ ЗНАЕТ, КЕМ ОН БЫЛ...

К 75-летию Евгения Александровича Шаповалы
(25 апреля 1931 года – 7 октября 2003 года)

Политзэк, физик-теоретик, мемориалец. В «Мемориал» Евгений Александрович пришел с числом первых осеней 1988 года. Он запомнился своей широкой образованностью, благородством, интеллигентностью. Много сил он отдал работе в общественной группе по увековечению памяти жертв политических репрессий, которой руководил Михаил Миндлин, бывший «колоумчанин», проводивший в тюрьмах и лагерях более 15 лет. Группа занималась созданием картотеки по расстрелянным на Бутовском полигоне, работала в архиве ГБ со следственными делами, по которым составлялись краткие биографические справки для издания в дальнейшем Книги Памяти «Бутовский полигон» (7 томов).

Евгений Александрович родился в Москве в 1931 году. В апреле 1950 года его, студента МГУ, арестовали. 18-летний студент МГУ оказался в грядущих лагерях МГБ по обвинению в участии в антисоветской молодежной организации. На самом деле была группа студентов, которые дружили, собирались вместе, разговаривали, обсуждали разные стороны советской жизни, рассказывали анекдоты. Нашелся среди них один доносчик. Так начался крестный путь Евгения Шаповалова. Полугородническое пребывание в тюрьмах (Лубянка, Лefortovo, Суходановка, Бутырка), затем – ИЛ (Минина, общие работы, тубerkulез). После освобождения (лето 1954 года) – учеба, защита кандидатской диссертации (в аспирантуре был принят на постипендию его учителя – академика Ландау), работа в ФИАНе (Физический институт АН), участие в диссидентском движении, активная работа в «Мемориале».

Я никогда не подозревал, как много значил в моей жизни Женя. Как часто с нами бывает, это открылось внезапно и обесценивается – как потолок рухнул. Я не могу заставить себя писать воспоминания. Есть только отрывки в памяти, чутко измененные, чтобы освободиться от литературы.

«На пятом ОППе», куда пришел наш этап, я встретился с одним из людей, которые потом оказались на мою жизнь самое сильное влияние. Сначала, когда нас познакомил Борис Ратновский, я не очень-то заметил Женю Шаповалову, но потом увидел его – неожиданно и впечатляюще.

Был концерт самодеятельности. Крепкий, лет сорока мужчина, на во-

ная в сегодняшний день из высокуюмного прошлого, из кабинета Василия Осиповича Ключевского, стоит у меня перед глазами.

Прошло лес лет. Уже свершилось все, что сумели мы сделать до девяностых, и еще не было, чтобы кто-то это предвратил, уже и судьба сделала все мерости, какие были, в отношении Жени, хамски, с наслаждением издавая над всем его личным, над всем, что было ему дорого в жизни. Помимо, ни одно из пословий не осталось в стороне от жестокого процесса медленного, со вкусом убийства.

Спусти тридцать пять лет мы с Евгением встретились в 1988 году в Доме культуры на Якиманской набережной. Я снова услышал его как бы срывающийся голос, перепременно торопящийся, как бы бегущий разгон с места и замедляющийся к концу фразы речи.

Словно он произнес тоже – как мафии взлеты: сбитые почти до сглазных первых звуков, как бы поощряя слова и затихающий конец.

Мы совсем немного прошли до Болотной набережной и снова два года встречались только эпизодически. Он был – удивительный, человек из прошлого и из будущего одновременно. Физик от Бога, любимец Ландау, органически скромный, он поражал внезапными глубокими и точными знаниями и суждениями о судьбах России, не афишируя, любил ее и скорбел обо всем, что ее недостойно. Я никак не мог отрешиться от ощущения, что по профессии он историк. Его книжная полка, как бы выставлен-

стро ушел, почти убежал в импровизированную «кульпсу».

– Не могу! – глухо говорил он. – Я пою, а они смотрят, глазница огромные, обреченные. У меня горло перехватило – не могу...

Я читал почему-то Гоголя и невольно глядел в зал. Передо мной в сумеречном, скатом пространстве – лица были единственным, что было видно: четко обтянутые кожей бритые чере-

пы, на которых падали капли пота.

Саша Трубка пел необыкновенно задушевную песню военного времени: «Любимая, далекая, дочурка синеокая, нежно мишуя укрой, скоро кончится бой, твой отен вернется домой». Концерт давали в бараке туберкулезников – по тогдашним лагерным понятиям – людей конченых.

Саша начал петь. Сдел куплет, начал притягиваться, и на словах «скоро кончится бой» осекся, скатился за горло и бы-

О работе группы Миндлина в архиве ГБ на Лубянке

Приводится в сокращении

В конце 1992 года мне позвонил Б.М.Миндлин и предложил работать в архиве КГБ (на Лубянке) по составлению списков расстрелянных. Я охотно согласился работать раз в неделю, так как продолжал свою научную работу. ... Предоставленный нам кабинет на Большой Лубянке был небольшой (видимо, половина перегородженного стандарта), так что работать там вчетвером было черезчур тесно. ...

Ежеминично нам падали весьма не-большую сумку, и ней мы были рады, учитывая наше тогдашнее материальное положение. На новый, 1993 год нам выдали пропуска, точнее, вкладыш, так что мы могли входить в здание и выходить из него в любое удобное время. За время работы я облизал практически все здания, нашел лестницы, по которым меня водили на допросы, приблизительно кабинет, где меня допрашивали, но, видимо, здание было несколько перестроено за истекшие 40 лет. Полностью перестроена и превращена в столовую внутренняя тюрьма, где в революции была гостиница страхового общества «Россия».

...Наша работа состояла в составлении на основании рассматриваемых уголовных дел кратких аннотаций стандартизированного содержания: обычные анкетные данные (фамилия, имя, отчество, дата и место рождения, национальность, партийность, образование, место работы), адрес места жительства, дата ареста, дата смертного приговора с указанием органа, его вынесшего, и краткой формулы обвинения, даты расстрела, даты реабилитации с указанием реабилитирующего органа (мы рассматривали лишь дела реабилитированных, которые должны были быть в списке). Эти аннотации мы отдавали, из них же сотрудники ФСБ составляли списки, один экземпляр которых передавали Миндлину. На их основе или была создана его знаменитая картотека, а затем и опубликованы Книги Памяти жертв политических репрессий.

Обычно каждый получал около 12 дел, их можно было обработать в течение 3–4 часов, но, как правило, тратил существенно больше времени, так как меня обычно интересовало содержание дела, иногда делал для себя записи или выписки.

Евгений ШАПОВАЛ
Из архива НИИЦ «Мемориал», Москва

Истинно Православная Церковь
«Двойка» в составе Евкова и Вышинского
действовала в период с 1937 по 1938 год.

Меня перевели из Внутренней Морты в Суходановку летом 1950 года. Везли в большом вагоне, одного, по времени в пути, а также по долевому снаружи шуму я понял, что везут в Суходановку, тем более что следователь неоднократно грозил «отправить меня на дачу», как обычно называли Суходановку на своем языке эмблемники. Ее официальное название – «Спецобъект № 110 МГБ СССР».

Поместили меня в камеру № 6, на первом этаже, первую справа от торцевого входа в корпус. По-видимому, раньше это было монастырская келья. Размер камеры приблизительно 2x2 метра, предназначена для двоих, но я провел в ней все время один. Посреди камеры небольшой прямогульный стол на винтовых ножках. По обе стороны стола расположены наискось два венгерских ящерица из-за которых не было возможности для двоих, на который попались три двери, одна из которых из которых на ночь опускалась доска, после подъема в 6 утра она откидывалась вместе с постелью на другой стол, впереди которого стоял ящик с вещами. В отличие от других тюрем совершенством, без каких-либо отключений соблюдалось чередование трех «меню» обеда: один день – щи из капусты и осеняя капуста, на следующий день – щи из капусты и перловая каши («шрапнель»), на третий день – гороховый суп и капуста, потом все повторяется сначала, так что по меню можно было проверять календарь. Я никогда не мог отрешиться от ощущения, что по профессии он историк. Его книжная полка, как бы выставлен-

потребленные шинели. В другой паре обращал на себя внимание красивый высокий мужчина лет 30–40 в кожаной куртке, с хорошо подстиранным кипятком), днем обед, вечером «чай».

В отличие от других тюрем совершенством, без каких-либо отключений соблюдалось чередование трех «меню» обеда: один день – щи из капусты и осеняя капуста, на следующий день – щи из капусты и перловая каши, на третий день – гороховый суп и капуста, потом все повторяется сначала, так что по меню можно было проверять календарь. Я никогда не мог отрешиться от ощущения, что по профессии он историк. Его книжная полка, как бы выставлен-

единий для следственных тюрем по рядок: утром пайка хлеба (400 г), один с крошечной добавкой кусочек сахара и «чай» (чем то закрашенный кипяток), днем обед, вечером «чай».

Было иногда тяжело, скажу больше, иногда было страшно – так близко была смерть. Но никогда отчаяния не было. Было иногда тяжело, скажу больше, иногда было страшно – так близко была смерть. Но никогда отчаяния не было. Было иногда тяжело, скажу больше, иногда было страшно – так близко была смерть. Но никогда отчаяния не было.

Снова приехал я в полный рост Серой тенью встал на обозрение... Мама, я немножко подпросил:

«Жал, конечно, что у мамы есть тещи, что ее все еще

разделяли и ее подруги, пославшие ей свое «коллективное письмо».

Каждая из этих женщин видела в нем своего ребенка – дочь или сына, с которым она разлучена.

Снова приехал я в полный рост Серой тенью встал на обозрение... Мама, я немножко подпросил:

«Жал, конечно, что у мамы есть тещи, что ее все еще

разделяли и ее подруги, пославшие ей свое «коллективное письмо».

Малость не хватает до саженей, в память о походах останутся у меня три медали. Я горд сознанием того, что защищал Родину, что этим меня никто не покинул».

(16 января 1946 г.)

Теперь ему предстоит служить в Маньчжурии, на Квантунском (Ляодунском) подступе. «Эзекиел подступил к фронту в 15–20 км и имел постремление отца: «Приди к нам, мы тебя примем!»

Снова приехал я в полный рост Серой тенью встал на обозрение... Мама, я немножко подпросил:

«Жал, конечно, что у мамы есть тещи, что ее все еще

разделяли и ее подруги, пославшие ей свое «коллективное письмо».

Снова приехал я в полный рост Серой тенью встал на обозрение... Мама, я немножко подпросил:

«Жал, конечно, что у мамы есть тещи, что ее все еще

разделяли и ее подруги, пославшие ей свое «коллективное письмо».

Снова приехал я в полный рост Серой тенью встал на обозрение... Мама, я немножко подпросил:

«Жал, конечно, что у мамы есть тещи, что ее все еще

разделяли и ее подруги, пославшие ей свое «коллективное письмо».

Снова приехал я в полный рост Серой тенью встал на обозрение... Мама, я немножко подпросил:

«Жал, конечно, что у мамы есть тещи, что ее все еще

разделяли и ее подруги, пославшие ей свое «коллективное письмо».

Снова приехал я в полный рост Серой тенью встал на обозрение... Мама, я немножко подпросил:

«Жал, конечно, что у мамы есть тещи, что ее все еще

разделяли и ее подруги, пославшие ей свое «коллективное письмо».

Снова приехал я в полный рост Серой тенью встал на обозрение... Мама, я немножко подпросил:

«Жал, конечно, что у мамы есть тещи, что ее все еще

разделяли и ее подруги, пославшие ей свое «коллективное письмо».

Снова приехал я в полный рост Серой тенью встал на обозрение... Мама, я немножко подпросил:

«Жал, конечно, что у мамы есть тещи, что ее все еще

разделяли и ее подруги, пославшие ей свое «коллективное письмо».

Снова приехал я в полный рост Серой тенью встал на обозрение... Мама, я немножко подпросил:

«Жал, конечно, что у мамы есть тещи, что ее все еще

разделяли и ее подруги, пославшие ей свое «коллективное письмо».

Снова приехал я в полный рост Серой тенью встал на обозрение... Мама, я немножко подпросил:

«Жал, конечно, что у мамы есть тещи, что ее все еще

разделяли и ее подруги, пославшие ей свое «коллективное письмо».

Снова приехал я в полный рост Серой тенью встал на обозрение... Мама, я немножко подпросил:

«Жал, конечно, что у мамы есть тещи, что ее все еще

разделяли и ее подруги, пославшие ей свое «коллективное письмо».

Снова приехал я в полный рост Серой тенью встал на обозрение... Мама, я немножко подпросил:

«Жал, конечно, что у мамы есть тещи, что ее все еще

разделяли и ее подруги, пославшие ей свое «коллективное письмо».

Снова приехал я в полный рост Серой тенью встал на обозрение... Мама, я немножко подпросил:

«Жал, конечно, что у мамы есть тещи, что ее все еще

разделяли и ее подруги, пославшие ей свое «коллективное письмо».

Снова приехал я в полный рост Серой тенью встал на обозрение... Мама, я немножко подпросил:

«Жал, конечно, что у мамы есть тещи, что ее все еще

разделяли и ее подруги, пославшие ей свое «коллективное письмо».

Снова приехал я в полный рост Серой тенью встал на обозрение... Мама, я немножко подпросил:

«Жал, конечно, что у мамы есть тещи, что ее все еще

разделяли и ее подруги, пославшие ей свое «коллективное письмо».

</

МАЙСКИЕ ХРОНИКИ

1921. 21 мая

В Москве родился Андрей Дмитриевич САХАРОВ. Величайший гуманист XX века, выдающийся правозащитник, академик, лауреат Нобелевской премии мира.

1926. Май

В № 5 журнала «Новый мир» опубликована «Повесть непогашенной луны» Бориса Пильняка, в которой высказывалась версия о насилии смерти народного комиссара по военным и морским делам СССР Михаила Фрунзе. Решением Политбюро ЦК ВКП(б) публикация повести была признана «грубой политической ошибкой», номер журнала изъят и заменен новым. Более шестидесяти лет повесть распространялась в Самиздате. Вторично опубликована в СССР только в 1987.

1931. 16 мая

В станице Дундуковской Майкопского района Северо-Кавказского края родился Револт Иванович ПИМЕНОВ. Математик, историк, автор Самиздата, политзаключенный (1958–1963, 1972–1974), общественный деятель. Умер в 1990.

1936. 15 мая

В Москве родился Владимир Петрович КУЗНЕЦОВ. В ноябре 1956, будучи студентом филологического факультета МГУ, вместе с другом распространял листовки с протестом против подавления Венгерской революции. Политзаключенный Дубравлага (1957–1959). Живет в Москве, мемуарист.

1941. Май-июнь

Выселение «социально-чуждого элемента» из республик Прибалтики, Западной Украины, Западной Белоруссии и Молдавии.

22 мая — из Западной Украины;

13 июня — из Молдавской ССР, Черновицкой и Измаильской областей Украины; 14 июня — из Литвы, Латвии и Эстонии; 20 июня — из Западной Белоруссии. Всего было вывезено на поселение и в исправительно-трудовые лагеря на территории РСФСР и Казахстана до 110 тысяч человек — от членов парламента до уголовников и проституток.

1946. 4 мая

Министром госбезопасности СССР назначен начальник СМЕРШа В.С.Абакумов (в 1951 смещен и арестован, в 1954 расстрелян).

1956. Май

Борис ПАСТЕРНАК передал рукопись своего нового романа «Доктор Живаго» итальянскому журналисту, представителю издателя Фельтини. Начало «дела Пастернака».

13 мая

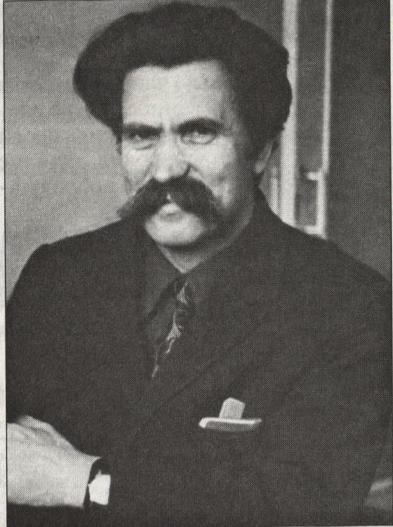
В пос. Переделкино (под Москвой) покончил жизнь самоубийством многолетний генеральный секретарь Союза советских писателей, член ЦК КПСС Александр ФАДЕЕВ. Его предсмертное письмо в ЦК КПСС с резкими политическими обвинениями в адрес высших руководителей партии и государства было засекречено до 1990.

29 мая

В г. Шантильи близ Парижа умер Сергей Петрович МЕЛЬГУНОВ, историк, политический деятель, в 1918–1920 — один из руководителей антибольшевистского подполья в Москве. В 1920 осужден по процессу «Тактического Центра», в октябре 1922 выслан из СССР, автор книги «Красный террор в России».

1961. 20 мая

Львовский областной суд вынес приговор членам подпольного Ук-

раинского Рабоче-Крестьянского Союза (УРКС) — украинское национальное движение за независимость путем расширения демократических прав и свобод). Руководитель организации и автор ее программы Левко ЛУКЯНЕНКО был приговорен к расстрелу, замененному на 15 годами заключения.

26 мая

Верховный суд Литовской ССР вынес приговор членам подпольной молодежной организации «Свободная Литва», распространявшим листовки с требованием независимости Литвы, пытавшимся организовать подпольную типографию. Лидер организации Владас ШАКАЛИС был приговорен к 6 годам лишения свободы.

4–5 мая

Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об усилении борьбы с лицами, склоняющимися от общественно полезного труда и ведущими антиобщественный паразитический

образ жизни». Из Москвы и других крупных городов за «тунеядство» были высланы десятки тысяч человек. В дальнейшем указ неоднократно использовался для борьбы с инакомыслящими (например, с поэтом Иосифом Бродским). Другой указ вводил смертную казнь за экономические преступления (хищение государственного имущества в особо крупных размерах и спекуляция иностранной валютой).

1966. 24 мая

Открытое письмо Лидии ЧУКОВСКОЙ «Михаилу Шолохову, автору „Тихого Дона“» с резким осуждением его выступления о деле А.Д.Синявского и Ю.М.Даниэля на XXIII съезде КПСС. Письмо получило широкое распространение в Самиздате.

1971. 11–20, 24–27

В Ленинграде и Риге прошли так называемые «околосамолетные процессы» над активистами Еврейского эмиграционного движения. Двое подсудимых в Ленинграде получили по статье «измена родине» один 10, другой 7 лет лагерей за «связь» с организаторами угона самолета («самолетный процесс» — в 1970 группа евреев-«отказников» захватила самолет с целью выехать в Израиль). Кроме того, активисты движения обвинились в распространении еврейского самиздата о еврейском самообразовании.

1986. 13–19 мая

В съезд кинематографистов СССР, полная смена руководства Союза, первые проявления гласности: объявление о выходе на экраны фильмов, ранее запрещенных цензурой.

1991. 11 мая

Арест Валерии НОВОДВОРСКОЙ, ей предъявлены обвинения в публичных призывах к свержению Президента М.С.Горбачева и к его убийству. Освобождена из СИЗО ГКБ СССР Лефортово после свержения ГКЧП.

1996. 27–28

Переговоры президента РФ Б.Н.Ельцина в Кремле с делегацией правительства Республики Ичкерия (во главе с З.Яндарбиевым) о мирном урегулировании российско-чеченского конфликта. Предвыборная поездка Ельцина в Чечню.

Иллюстрация предоставлена НИПЦ «Мемориал», Москва

жили того, кто их писал, и ту, кото-
рой они были адресованы. А я, читая сейчас эти письма, вижу своего папу таким, каким не знала и не могла знать раньше: мальчиком, юношей, солдатом. И свою бабушку — 46-летней женщиной, почти оглохшей в лагере, но увидевшей наконец своего взрослого сына.

Я не знаю, как сын и мать встретились после долгой разлуки. Перечитывали ли они эти письма? Наверное, нет. Думаю, что она помнила их почти наизусть. А о том, что было пережито и выстрадано ими, они не рассказывали никому. Теперь только письма, в которых продолжают звучать их голоса, могут поведать мне об этом...

Елена РЯБОКОНЬ

- Мать и сын. Первое фото вместе. г. Смоленск, 07.06.1949.
- В.Рябоконь. г.Порт-Артур, 18.01.1946
- В.Рябоконь. г.Порт-Артур, 01.01.1947
- Отец Владимир Иванович Рябоконь(в центре) с товарищами . 1920-е(?) годы.

Фото из семейного архива

¹ «Метрополь» — в 1920-е годы 2-й Дом Советов, здесь размещались аппарат ВЦИК и общежитие для ответственных партработников и их семей.

² Пятигорск — столица Орджоникидзевского края (с янв. 1934 г. по март 1937 г. назывался Северо-Кавказский край в новых границах, с янв. 1943 г. — Ставропольский край). В 1935–1937 гг. семья В.И.Рябоконь жила в Пятигорске, по адресу: Советский проспект, д.8, кв.1.

³ Мне известны: Тассо — Анастасия Джажанишили (?), Маня — Мария Владимировна Минкина, Ашхен — Ашхен Степановна Налбандян (мать Б.Окунджаевы), Соня — Софья Абрамовна Ингерман.

⁴ Из Книги Памяти «Расстрельные списки. Москва, 1937–1941 гг. «Коммунарка», «Бутово»: «Владимир Иванович Рябоконь арестован 14 июня 1937 г. Приговорен расстрелу 8 февраля 1938 г. ВКВС СССР по обвинению в участии в к.-р. террористической организации. Расстрелян 10 февраля 1938 г. Реабилитирован 18 декабря 1954 г. ВКВС СССР».

ПИСЬМА ИЗДАЛЕКА

снаряжения, тогда и начинаешь вспоминать свою удобную постель, светлую казарму и прочие вдруг удивительные приятные подробности. А скоро опять в поле». (7 мая 1947 г.)

«Отдышиной» в лишенной событий армейской жизни для него было чтение. В свободные часы, а иногда на дежурстве или в наряде он читал и перечитывал русскую и зарубежную

тому что с ними связывали надежды на демобилизацию.

1 января 1947 года он пишет домой: «Первый новогодний денек выдался не по-зимнему теплым. В прошлом году в это время около избушки нашего старого наблюдательного пункта лежали пушистые сугробы, а сегодня снега нет и в помине. Ходим в летней форме и усмехаемся при мысли о наших крещен-

Адрес:

127051 Москва,

Малый Каретный пер., д. 12, редакция

Тел. приемной:

(495)299-1180

Тел. редакции:

(495)299-6478

Факс:

(495)973-2094

E-mail:

gazeta@memo.ru

В подготовке номера принимали участие:

Б.И.Беленкин, Э.В.Бестаева,

Н.С.Васильева, Д.И.Зубарев,

Г.В.Кузовкин, С.С.Печуро,

Я.З.Рачинский, Т.М.Хромова

Главный редактор Г.С.Шведов

Ответственный секретарь, выпускающий редактор Е.Д.Ясь

Литературный редактор В.М.Герлин

Корректоры Г.В.Заславская, М.С.Святославская

Верстальщик С.Г.Вашенко

Международное историко-просветительское, благотворительное и правозащитное общество «Мемориал», «Московский Мемориал»

Газета издается Информационным агентством Мемо.Ру
при поддержке Фонда Форда, Агентства США по международному развитию,
Национального фонда поддержки демократии,
Фонд содействия ИЮ

Газета «30 октября» зарегистрирована в Министерстве по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций
Рег. № ПИ 77-1783 от 29.02.2000. Газета выходит раз в месяц. © Ссылка при перепечатке или цитировании обязательна

Апрель 2006. Отпечатано в ООО «ОМНИТРЕЙДИНГ»

119334, г. Москва, Ленинский пр-т., д. 30. Тираж — 5000 экз. Распространяется бесплатно